

Глава 1

Северные пустоши. Гора Анхат. 12.11.1405

Хмурое и неласковое осеннее небо посылало на землю дождь. Сильный холодный западный ветер раскачивал деревья и срывал с них остатки желто-красной листвы. Температура воздуха всего за пару часов упала с пятнадцати градусов по шкале Боффа до нуля. Серый грунт северных пустошей раскисал и на глазах превращался в бурю болотную жижу. В такую пору любое живое существо, особенно разумное, стремится найти надежное теплое укрытие, в котором можно было бы пересидеть непогоду. Однако вождь рода Океанских Ястребов Фэрри Ойкерен, невзирая на ненастье, оставил удобную охотничью заимку в сорока километрах от зимнего поселения его рода, вскочил на своего верного боевого лося и в полночь помчался к горе Анхат. А телохранители главы рода, два десятка прошедших вместе с ним через горнило жестокой войны с Акулами воинов, последовали за ним.

Северяне были сильными людьми. Они мчались половину ночи и уже утром оказались на месте. И ни один из воинов не пожаловался на природные условия, ибо это не пристало настоящему мужчине, который идет за своим вожаком. Тем более что телохранители знали, из-за чего Ойкерен торопился в поселение, и понимали его. А причиной этому послужило известие о том, что старший сын вождя, сотник Мак Ойкерен, который вместе со своими разведчиками совершал рейд к горе Юххо, попал в плен к остверам. Его сотня была разбита, и только три десятка воинов и один шаман смогли вернуться назад. Это было серьезно, потому что таких потерь в мужчинах род не нес вот уже четыре года, с того самого момента, когда вместе со всем своим племенным сообществом Десять Птиц Океанские Ястребы покинули берега океана Форкум. И раз так, то следовало разобраться, как это произошло и каковы причины разгрома одной из лучших разведывательных

сотен рода. Поэтому вождь начал действовать сразу же, как только к нему прибыл гонец из патрульного отряда, который прикрывал стоянку Океанских Ястребов с юго-западного направления.

Мощный и сильный бык Ойкерена оторвался от сохатых, на которых ехали его боевые товарищи, и первым влетел на территорию зимней стоянки своего рода. Здесь вождь остановил своего лося и огляделся. С небес продолжают литься потоки холодной воды. Темные тучи скрывают солнце. Ближайший ручей превратился в небольшую мутную речушку. А самого поселения, которое раскинулось на нескольких больших холмах вокруг захваченной месяц назад деревушки местных дикарей, практически не видно. Однако Ойкерен смог разглядеть несколько больших шатров на склоне ближайшего холма, пару крепких деревянных строений и патруль из трех спешенных воинов, которые тоже заметили его и поспешили к нему навстречу.

Охранники приблизились. Снизу вверх они посмотрели на вождя, и Ойкерен обратился к старшему среди них, высокому тридцатилетнему мужчине с косым шрамом через все лицо, которого он знал по боям за родной город Океанских Ястребов Таравин.

— Здравствуй, Увиэ. Воины из сотни Мака уже прибыли в лагерь?

— Здравствуй, вождь. Да, разведчики прибыли, — Увиэ кивнул. — Только что. Они опередили тебя всего на несколько минут.

— Сколько их?

— Тридцать два человека и молодой шаман Вервель Семикар.

— Где они?

— Сотню встретил шаман Риаль Катур. Воины отправлены в казарму рядом с общинным домом, а десятники и Вервель поехали к твоему дому.

— Хорошо, — сказал Ойкерен, повернул своего быка в сторону деревушки, где в домах убитых нанхасами людей проживали шаманы, он сам и наиболее авторитетные люди рода, и бросил назад: — Моим воинам скажи, что пока они могут быть свободны. Пусть отдыхают.

Копыта лося шлепали по лужам. Вождь пересек лагерь, оказался за невысокими стенами деревушки и остановился у своего дома, крепкого бревенчатого здания в два этажа, где раньше проживал местный староста. Он спрыгнул наземь и передал лося подбежавшему к нему подростку, одному из младших сыновей. Затем Фэрри прошел в дом и скинул насквозь промокший тяжелый плащ на руки третьей жене, симпатичной девушке лет девятнадцати

с выпирающим вперед небольшим животиком. И узнав у нее, что прибыли гости, которые его ждут, он затянул на поясе ремень, поправил ножны с черным кривым атмином из метеоритного железа, сделал несколько широких уверенных шагов прямо по коридору и оказался в светлой просторной горнице.

Ойкерен остановился, взглядом хозяина окинул помещение, всмотрелся в лица сородичей, которые уже ждали его, и прошел во главу стола. Вторая жена должна была принести горячий взвар, и только после этого, согласно устоявшемуся в жилище вождя обычаю, когда гости отведают питья, начнется серьезный разговор. А пока женщины не было, глава рода еще раз глазами пробежался по каждому человеку за столом. Всего их было пятеро: два воина, два шамана и миниатюрная красивая девушка. И настраивая себя на разговор, успокаиваясь и отгоняя прочь недобрые предчувствия, которые одолевали его последние несколько дней, Фэрри Ойкерен постарался дать людям перед ним краткую характеристику.

Первым слева сидел грязный и промокший, несколько нескладный русоволосый мужчина с резкими чертами лица, Вервель Семикар, который считался одним из лучших молодых шаманов рода. Правда, Вервель всегда старался держаться в тени, был сам себе на уме, осторожничал и сторонился своих сверстников. Это ему часто ставили в упрек, так как общество Океанских Ястребов ценило смелых, лихих, задорных и веселых людей, которые шагают по жизни прямо и ничего не боятся. И если бы шаман был послабее, то его просто загнобили бы. Однако стержень в душе Вервеля был крепкий, он всегда мог постоять за себя, а его прирученные духи из дольного мира, которые есть у каждого северного чародея, могли многое, и шаман уже успел показать себя в боях с населявшими пустоши дикарями. Кроме того, Семикар был выходцем из большого и влиятельного семейства. Он имел многочисленных родных братьев, в большинстве своем тоже чародеев. И ко всему этому шаман являлся одним из немногих друзей Мака Ойкерена, которому, несмотря на молодость, со временем прочили место вождя. И вот, Вервель здесь. А его старший брат Чердык, друг детства Мак и почти семь десятков разведчиков остались в пустошах. И именно он является основным носителем информации о том, что случилось с сотней Океанских Ястребов.

За Вервелем, плечом к плечу, кидая на главу рода опасливые и виноватые взгляды, расположились два приземистых широкоплечих бородатых крепыша, десятники из разбитой сотни. Судя по всему, только они из всех старших воинов и уцелели, а иначе бы их

было больше. С ними все понятно. Оба десятника честные опытные бойцы, которые воевали с Акулами и их союзниками, а при миграции Десяти Птиц, покинув палубы боевых кораблей, оседлали лосей, стали дальними разведчиками и честно выполняли приказы своего командира. Так что здесь и сейчас, скорее всего, они будут просто свидетелями, которые подтвердят или опровергнут слова Вервеля.

Глаза вождя сместились направо и остановились на совершенно седом длинноволосом человеке в перетянутом на пояснице ремнем теплом коричневом балахоне, который встретил его взгляд своим взглядом. Это был верховный шаман всего рода, которого звали Риаль Катур. Обесцвеченный старческий взор чародея был твердым, и сам древний шаман, которому уже давно перевалило за сто лет, несмотря на более чем преклонный возраст, выглядел крепким и бодрым. Прямая спина и вскинутый немного вверх острый подбородок говорили о том, что Катур как всегда спокоен и уверен в себе. И только левая рука, которая пальцами выбивала на столешнице неслышную дробь, была свидетельством того, что старика что-то гнетет. Что это, было понятно без слов. Наверняка Катур думал о гибели одного из шаманов рода, своего любимого ученика Чердыка Семикара, не очень умелого и умного, но усидчивого, старательного и сильного человека, смерть которого, вне всякого сомнения, ослабит род.

Еле заметно вождь кивнул верховному шаману. Катур ответил. И Ойкерен посмотрел на последнего человека в горнице, на ламию Отири.

Затянутая в темно-серый комбинезон из баснословно дорогой кожи форкумского ската, ведьма как всегда была прекрасна и внешне ко всему равнодушна. Маленькая слегка раскосая блондинка с необычной кровью в своих жилах, отодвинулась от стола, закинула ногу на ногу, махала в воздухе ладным сапожком, смотрела в потолок, и, казалось, что ей было скучно. Целительница. Травница. Жрица. Хранительница знаний и родовой памяти. Немного предсказательница. Воин. Разведчик. Безжалостный убийца. Интуит. Телепат. Оборотень. Боевой чародей, который напрямую закачивает в себя магическую энергию. Все это в одном человеке. Да и в человеке ли? Ведь за те десять тысяч лет, что ламии, потомки самой богини Кама-Нио и демона дольного пространства Азгата живут среди нанхасов, никто так и не смог понять их до конца. И Отири, как и ее сестры, словно кошка, всегда гуляет сама по себе и делает только то, что сама захочет. Она может излечить, а может и убить. Иногда ламия выполняет приказы вождей и командиров

воинских отрядов, помогает шаманам, мастерам, охотникам и рыбакам. Но когда она захочет уйти, никто ее не остановит, ибо это бессмысленно и смертельно опасно. А когда ведьма считает нужным, она выберет себе в спутники жизни любого мужчину, какого захочет, и приоткроет ему свою душу. И такой член племени будет считаться своими сородичами мертвым ростком, который не даст потомства. Потому что мужчина, закрутивший любовь с ведьмой, уже не может смотреть на других женщин как на продолжательниц себя в реальном мире, и как противоположный пол они для него уже не существуют. А от ламий рождаются только другие ламии, это закон природы и, как правило, это одна, редко две, и совсем уж невероятный случай, когда за девяносто лет практически бессмертная ведьма родила трех девочек.

«Что на уме у ведьмы, в которую был влюблен мой старший сын? — отвернувшись от Отири, сам себя спросил вождь и тут же одернул свои мысли: — Тихо! Она может меня услышать!»

Однако ламия, которая иногда мысленно общалась с главой рода, промолчала и не ответила на его невысказанный вопрос. То ли она была погружена в себя, то ли не хотела влезать в голову Фэрри Ойкерена, то ли не могла в нее пробиться из-за духов верховного шамана, которые незримо кружили по помещению и одним своим присутствием блокировали часть ее способностей. И не обнаружив проникновения в мысли, которые бы он хотел скрыть, вождь сразу же успокоился и посмотрел на свою вторую жену, ладную тридцатилетнюю красавицу в новом шерстяном платье с меховой оторочкой, которая вошла в горницу с подносом в руках.

Женщина ласково улыбнулась мужу, искоса неодобрительно зыркнула на ламию, которая по-прежнему смотрела в потолок, и, расставив на столе большие полулитровые кружки из синего фарфора, который производил род Восточный Ветер из племенного сообщества Стихия, удалилась. А Ойкерен отметил, что жена, которая, скорее всего, уже знает о том, что Мак сгинул в пустошах, рада этому, потому что именно ее сын теперь становится наследником всего его немалого состояния. И хотя понятно, что в мир мертвых вождь не торопится и женщина не желает ему зла, всей семье Ойкеренов было известно, что основное внимание отца сосредоточено на наследнике и, как следствие, на его матери. Младшие жены всегда помнили об этом, и между ними и старшей шла постоянная безмолвная борьба за мужа. И вот теперь Мака нет, и вторая жена негласно становится более главной, чем первая, которая сейчас наверняка оплакивает своего единственного сына.

«Мака нет! — мысленно повторил вождь и заставил себя собраться. — Прочь дурные мысли! Делом пора заниматься! Надо узнать, что произошло, кто наш новый враг и мой личный кровник!»

Ойкерен взял в руки теплую кружку, сделал первый традиционный глоток пахнущего черной смородиной сладковатого напитка и вопросительно кивнул в сторону Вервеля.

— Рассказывай! Коротко! Сжато! По существу! Подробности потом!

Молодой шаман ждал слов своего вождя, но поперхнулся питьем, поставил кружку на место, откуда снова ее взял, вобрал в себя воздух, выдохнул и, уткнувшись взглядом в столешницу, начал говорить:

— Наша сотня получила приказ совершить разведывательный рейд от горы Анхат к горе Юххо, уничтожить деревню мерзких тварей гоцев, составить подробную карту окрестностей с указанием всех водоемов, чистых источников и местами для проведения основной охоты, а затем вернуться обратно. Однако с самого начала все пошло совсем не так, как задумано. В дороге два лося попали в старую ловушку, которую выкопали тролли, и сломали ноги. Но ничего, воины не пострадали, и мы продолжили свое движение, и через неделю вышли к деревне кварталенов. Мы с Чердыком обеспечили поддержку наших воинов, замутили гоцам разум, и они сами открыли нам ворота своего поселения. Я предложил не торопиться и обследовать деревню еще раз. Однако Мак приказал ворваться внутрь без дополнительной разведки, а мой брат его поддержал. И когда воины вошли за стены и стали уничтожать тварей, то из подземных схронов выползло несколько крупных самцов, которые ударили по нам с тыла. В итоге мы потеряли четверых разведчиков, и около десятка было ранено, из них трое очень тяжело. Само собой, после этого сотник озлился на гоцев, и смерть каждого урода была очень тяжелой. А мы с Чердыком, пользуясь кровью умирающих кварталенов, откупили у смерти жизни наших покалеченных бойцов и смогли быстро поставить на ноги легкораненых.

Вервель загнулся, сделал глоток напитка, смочил горло и продолжил:

— Сотня собрала добычу, оставила ее в недоступном для хищников месте и начала разведку местности. И в первый же день нами были обнаружены следы конного остверского отряда, в котором было четыре десятка воинов, оборотень, маг и несколько десятков выючных лошадей с грузом. Мак принял решение преследовать обнаглевших южан, которые совсем страх потеряли и по пустошам

катаются, словно находятся у себя дома. Это было верное решение, и уничтожение имперцев не сулило никаких особых сложностей. Чердык обеспечивал наше скрытное передвижение, а мои прирученные духи следили за продвижением остверов. Все было нормально, сотня шла походным порядком через Мертвую Пересыпь, и вскоре мы должны были налететь на врагов и разметать их стоянку. Но произошло то, чего в моей практике до сих пор не случалось. На время, всего на полчаса, не больше, наши с братом бестелесные помощники словно ослепли. Значения этому мы не придали, ведь они остались с нами, точно так же как наши силы и артефакты. И на одном из холмов невдалеке от остверского лагеря наша сотня лоб в лоб столкнулась с имперским дозором, появления которого никто не ожидал...

— Вы не почуяли врага? — прерывая Вервеля, спросил его Риаль Катур, который удивленно приподнял правую бровь.

— Да, — молодой шаман согласно мотнул головой.

— Продолжай! — поторопил рассказчика вождь и посмотрел на Катура. — Уважаемый Риаль, свои шаманские темы обсудите потом.

Старик резко моргнул веками глаз, обозначил, что понимает желание Ойкерена узнать о судьбе сына и разгроме разведчиков, а Вервель повел свою речь дальше:

— Имперцы не ожидали увидеть нас, а мы не ждали их, и на несколько кратких мгновений оба отряда остановились на вершине холма. А затем вражеский командир стал действовать, всего на пару секунд опередив нас. Он приказал своим воинам отступить и метнул в нас одну магическую энергокапсулу, которые так любят имперцы. Но Чердык обезвредил гранату. Он накинул на нее «Покрывало», заклятие, которому перед рейдом его научил уважаемый Риаль, а Мак скомандовал атаку и впереди всех бросился за беглецами. И тут вожак остверов остановился и применил одно из боевых заклятий, которого я не знаю. Что-то черное и злое, в виде большой петли, накрыло участок земли. Оствер дернул рукой и после этого от воинов и лосей остался лишь металл, керамика, стекло, часть одежды и сбруя. Я спасся только чудом, вовремя почувствовал опасность, по наитию упал наземь и применил защитный артефакт четвертого порядка «Зеркальная Броня». Амулет хоть и с трудом, но выдержал, я спасся и развернул силу артефакта между Маком, который вырвался вперед, и оствером. И после этого вожак имперцев отступил. При этом наш сотник постарался достать его броском атмина, но не смог, смазал и только сбил с головы врага шляпу. А оствер подхватил его атмин и был

таков. Станный бой, и мне до сих пор непонятно, как южанин использовал магию и откуда он получил силу...

— Стоп! — снова в разговор вклинился верховный шаман, который машинально поднял вверх раскрытую левую ладонь, посмотрел на вождя и пояснил: — Необходима пара дополнительных вопросов. Это важно.

— Ладно, — согласился Ойкерен.

Катур вновь сосредоточил свое внимание на Вerveле и задал ему очередной вопрос:

— Отвер точно не маг?

— Да, я уверен в этом. Мои духи говорили, что он не имеет постоянной связи с энергоканалами, и я сам ничего не почувствовал. Наверняка имперец применял артефакты, но я их не видел.

— До этого боя «Зеркальная Броня» использовалась в походе?

— Нет, — сказал Вerveль. — Заряд был полный.

— А сколько энергии талисмана было израсходовано при твоей защите?

— Примерно, три четверти заряда.

Старик несколько недоверчиво хмыкнул:

— Seriously. Где шляпа врага?

Молодой чародей наклонился под стол, где у него находилась походная сумка, порылся в ней, достал черную широкополую шляпу с округлым верхом и передал головной убор Катуру. А старый шаман повертел шляпу в руках, принялся к ткани и лицевой стороной повернул ее к Ойкерену:

— Посмотри на эмблему, вождь.

Глава рода всмотрелся в знак на шляпе, который висел как раз над тонким кожаным ремешком, предназначенным для того, чтобы во время конной скачки его можно было натянуть на подбородок. Серебряный круг. В нем еще один, красного цвета, видимо, изображение солнца. А на светиле заостренная с обоих концов тонкая серебряная палочка, древняя, так называемая истинная руна нанхасов, которая обозначает «Справедливость».

Вождь все увидел, подметил, вновь поймал взгляд старика и спросил:

— Думаете, это потомок одного из Рунных родов?

— Видимо, да, — сказал верховный шаман и спросил Вerveля: — Как выглядел командир имперцев?

— Внешне отвер такой же, как и мы, — ответил он. — Такое же лицо, повадки, движения. Он даже на Мака чем-то смахивал, только волосы менее светлые и плечи немного поуже.

— Ну, с этим потом разберемся, — бросил Ойкерен. — Что дальше было?

Сказав это, вождь не обратил внимания на то, что шляпа оказалась у ламии, которая взглядом подтянула ее к себе, осмотрела головной убор и, чему-то улыбнувшись, сняла с нее эмблему и спрятала металлический кружок в карман своего комбинезона. Зато это увидел Катур, который не понял действий ведьмы, но не возразил ей. Да и не стал он в тот момент над этим думать, а просто отметил необычное поведение ламии и опять вслушался в речь одного из своих учеников.

— После столкновения с остверами я уговорил Мака не торопиться. Слишком опасными противниками они мне показались, особенно их вожак. Первая стычка — и мы сразу потеряли несколько воинов и Чердыка, а это слишком. И потому дальше мы действовали осторожно, издалека следили за имперцами, обогнули их по флангу, вычислили путь движения вражеского отряда и остановились на дневку. Я предлагал сотнику не трогать южан и ограничиться взятием в плен пары-тройки пленников, которые могли бы дать нам ценную информацию о вожаке остверов и целях его похода в пустоши. Но он меня не послушал, вы же знаете, какой он горячий, и мне пришлось уступить старшему командиру в сотне.

Вервель прервался, кашлянул и исподлобья посмотрел на вождя. Какова его реакция? Ойкерен был сама невозмутимость, ничего не поймешь, и шаман перешел ко второму бою с имперцами:

— Мак решил атаковать остверов ночью, на привале, уничтожить рядовых воинов и захватить командира и чародея. В первых сумерках наши воины начали выдвижение к развалинам имперского форпоста, где остановился противник, и мы начали работу. Я временно обесточил сигнальную цепь остверского мага, не очень сильную, но хитрую. Лучшие разведчики сотни уничтожили вражеский охранный десяток, а я вместе с четырьмя воинами взобрался по крутому откосу и смог оказаться в развалинах. В это время сработала сигнальная цепь вражеского чародея. Командир имперцев повел своих дружинников в бой, и тут вступили в дело мы. Я кинул на него своих духов, и они сковали оствера. В это время воины должны были его оглушить и связать, а на крайний случай, убить. Все шло по плану. Но оствер как-то вырвался. И это несмотря на то, что у него на плечах висело семь призраков. Возможно, это моя ошибка, потому что один из моих духов в это время держал оборотня. И если бы все мои духи накинулись на командира, может быть, он и не освободился бы. А так, оствер смог применить